

ТЕОРИЯ СОЦИОГЕНДЕРНЫХ ПОЛЕЙ

Социогендерная стратификация имеет формы проявления, которые зависят, с одной стороны, от характера включенности индивидов в социальные поля, в которых разворачивается социальная деятельность мужчин и женщин; с другой стороны, от цивилизационного типа, к которому принадлежит данный социум.

Во-первых, это позволяет выделить социальные поля, в которых разворачивается жизнедеятельность женщин. Во-вторых, становится возможным учесть факторы, определяющие характер и направленность женской активности в разных социальных полях и в целом в социальном пространстве, сочетание морфостасиса и морфогенеза. В-третьих, можно принимать во внимание различие физического и социального пространства, с одной стороны, и пространство как объективную структуру и его видение, с другой стороны.

Начнем с характеристики социальных полей. Поле – это специфическая система связей между различными позициями социальных агентов; поле – это место отношения сил участников социального действия, ориентированное на определенную социальную функцию. Как известно, термин «социальный агент» применяется в современной литературе вместо понятия «субъект»; благодаря этому термину прослеживается зависимость действующего лица от объективных структур; понятие «агент» относится к тому, кто сознательно реализует целенаправленную практику, подчиняясь определенному правилу (это не исключает воздействия на него социального объекта, но это воздействие носит опосредованный характер – через габитус, архетипы и т.п.).

Женщина как социальный агент реализует себя и свои социоролевые приоритеты в нескольких социальных полях. Каждое поле конституирует относительно открытое пространство жизнедеятельности субъектов, накладывая лишь некоторые ограничения (скажем, базисный статус агента – занятость, капитал, образование; а также «правила игры», обусловленные состоянием законности, экономики и пр.). Соответственно, анализ социального положения женщин в круге идей, порожденных современными трактовками социального пространства (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Р. Бхаскар и др.), представляется весьма актуальным. Наконец, немаловажно, что разворачивание женской активности в каждом социальном поле происходит в специфическом сочетании с деятельностью представителей мужского пола.

Мы выделяем несколько основных социальных полей жизнедеятельности женщин и считаем возможным высказать предположения о сочетании и взаимозависимости статусной и ранжированной стратификации женщин в различных типах общества.

Начнем с характеристики внесемейного, экономико-политического социального поля деятельности. Здесь мы встречаемся прежде всего с различной трактовкой значимости этого поля в гендерной стратификации. Если придавать ему преимущественное значение, то мы имеем дело с реализацией западной модели статусной ориентации. Если же это поле в национальной ментальности, разделяемой обоими полами (по крайней мере, большинством их представителей), занимает второстепенное место, то объектом нашего анализа является вторая стратификационная модель, основанная на ранжированности.

Поле трудовой деятельности служит главной ареной реализации западной модели статусной ориентации – вне зависимости от сферы приложения сил – это может быть и экономика, и политика, и культура, и другая сфера социальной жизни. Раньше было принято говорить о занятости женщин в «общественном производстве». На наш взгляд, в сегодняшних условиях применение этого термина выглядит архаизмом: во-первых, само производство ныне не только общественное; во-вторых, кроме производства, есть не

менее важные сферы социальной деятельности. Возможно, уместнее применять термин «сфера официальной занятости».

Для западного типа предпочтений чрезвычайно важным параметром статусной стратификации является занятость населения. Формы взаимодействия полов на «территории» данного социального поля весьма многообразны – это и партнерство, и конкуренция; социальные функции, выполняемые представителями обоих полов, по своей сути идентичны.

Второе. Это – специфическое поле женской жизнедеятельности (реализация восточной модели ранжированности), где только она и может выполнять необходимую для общества функцию – деторождения, материнства первого периода жизни ребенка; функции противоположного пола в этой сфере несопоставимы по своему объекту и задачам.

Третье. Это – внутрудовое, досуговое и бытовое поле (возможна реализация как статусности, так и ранжированности), на котором мужчины и женщины взаимодополняют друг друга, а партнерство может выливаться в межличностную борьбу за лидерство; здесь мы встречаем и субполе семейных отношений, и субполе сексуальности (с равным правом обоих полов на счастливую интимную жизнь); и субполе развлечений.

Охарактеризуем в общих чертах социальное поле внесемейной, трудовой деятельности. Его параметры определяют, во-первых, набор экономических, правовых, социальных условий (либеральный или монополистический характер экономики, наличие реальных прав и свобод граждан); во-вторых, базисный статус социального агента (объем и структура капиталов, место жительства, уровень образования, «связанность» семейными обязательствами); в-третьих, занимаемая агентом позиция, которая определяется его практическим мышлением, дискурсивным сознанием, бессознательными мотивами, ценностными ориентациями; в-четвертых, опосредствующие социальные стереотипы, действующие в интервале между моделью «женщина для общественного производства» и моделью «женщина для дома», воздействующие на социального агента в режиме габитус.

На пересечении этих факторов и формируется стратегия практик женщины как социального агента. Представляется, что современная женщина стоит перед выбором из двух моделей поведения в сфере занятости и, таким образом, повышения своего формального статуса: первая модель воспринимает женщину прежде всего как работницу (эту модель питают, парадоксальным образом соединяясь, как идеологические схемы советского периода, так и феминистские построения, приходящие с Запада); вторая модель дает большую свободу выбора приложения своих сил (это может быть и временная отстраненность от сферы официальной занятости, и жизнь на доходы от принадлежащей собственности, и предельная трудовая самоотдача в своем бизнесе). В современном мире, где сильны интеграционные процессы, можно говорить о тенденции к единым статусным ориентациям как на Востоке, так и на Западе. В сегодняшнем обществе статус человека часто определяется положением в структуре занятости.

В европейских и восточных странах с наступлением индустриального общества участие женщин в экономике, и вместе с этим повышение общественного статуса, прошло несколько этапов. В ходе первого из них возникло привлечение женщин к общественно организованному наемному труду. Как правило, это – малоквалифицированный труд. В нем участвуют преимущественно незамужние женщины. С промышленной революцией трудовая ситуация изменилась и для мужчин, и для женщин. Если раньше центром производства и семейной жизни был домашний очаг и дом, то с индустриализацией рабочим местом стала фабрика, а местожительством – город. Роль же женщин и детей в качестве трудовой силы с прежних времен, однако, не изменилась, так как сначала на фабриках использовался труд целых семей, работавших как команда.

В этот период возникает разделение на домашний и наемный труд. Домашний труд – это многочисленные, часто рутинные задачи, включающие в себя работу по дому и присмотр за детьми. Этот труд основан на гендерном распределении социальных ролей и

статусных ориентаций. Лишь в XIX веке возросла роль мужчины как «хорошего производителя», тогда как женщин прикрепляли к ведению домашнего хозяйства. Толчком этому послужил не столько переход от сельскохозяйственных технологий к промышленным, сколько возрастающий гуманистический протест против жестокого обращения с женщинами и детьми на начальном этапе фабричного производства. Законодательно, главным образом в Великобритании, был повышен минимальный возраст детей, чей труд использовался на фабриках, установлены временные ограничения на рабочий день женщин и детей и запрещено заниматься им определенными видами деятельности, представлявшими опасность и большую тяжесть.

Таким образом, число женщин, занятых ведением домашних дел и уходом за детьми увеличилось. Как правило, это – малоквалифицированный труд. В нем участвуют преимущественно незамужние женщины. Несмотря на свое значение в национальной экономике, домашний труд обычно не включается в валовой национальный продукт.

То, что мужчина стал единственным в семье, кто получает зарплату, усиливало традиционное положение его как главы семьи, который должен управлять жизнью тех, кто от него зависит. Какой бы женщина не обладала властью, полученной в связи с ее статусом хозяйки дома.

Традиция почтительного отношения к женскому полу, связанному с материнством и домашней жизнью, сохранялась в течение всего XIX века и перешла в XX столетие.

Во второй половине XIX века складывается новый этап женской занятости. Его особенности состояли в следующем: во-первых, в частичном привлечении к общественно организованному труду замужних женщин; во-вторых, при сохранении признаков мало квалифицированности к труду привлекаются и женщины-специалисты высокой квалификации. Все это усиливает дисгармонию между наемным и домашним трудом.

Результатом сложившегося в этот период разделения труда по половому признаку является двойное бремя женщин, поскольку они и трудятся по найму, и выполняют неоплачиваемую домашнюю работу. С. Джеймс и М. Делла Коста, применившие теорию социального капитала, утверждали, что домохозяйки имеют право на заработную плату. В этот период возникает разделение на домашний и наемный труд. Домашний труд – это многочисленные, часто рутинные задачи, включающие в себя работу по дому и присмотр за детьми, труд, основанный на гендерном распределении социальных ролей, область культурного и социального воспроизводства.

Входит в обиход понятие «домохозяйка» (housewife), под которым понимается замужняя женщина, чья первичная роль связана с домашним трудом, а вторичная – с оплачиваемой работой вне семьи. Еще одной чертой этого этапа является дискриминация в оплате труда.

Открытие электричества и развитие техники привели к появлению бытовых устройств (например, стиральных машин, пылесосов), облегчающих домашний труд. Это хотя и освободило женщину от трудоемкой работы, но все же ненамного сократило время, затрачиваемое на работу по дому.

В экономике и обществе также происходили изменения, которые вели к росту числа рабочих мест в административной сфере и сфере услуг. Распространение народного образования создало потребность в большом количестве учителей, а развитие промышленных и торговых предприятий потребовало увеличения числа офисных работников и продавцов. В этот период стало господствовать мнение, что раз мужчины – главы семей, то они должны иметь заработок, обеспечивающий содержание семьи. С другой стороны, большинство женщин, которые стали работать в США перед второй мировой войной, были не замужем и не имели семей, которые надо обеспечивать, следовательно, им можно было платить меньшие зарплаты. Это неравенство между зарплатами мужчин и женщин, даже за одинаковую работу, до сих пор превалирует.

В последней четверти XX века вызревает третий этап женской занятости. Возрастает доля квалифицированного труда (например, к середине 80-х годов женщины составляли

48% американской квалифицированной рабочей силы). Формируется гибкая модель женской занятости (в распределении социальных и семейных ролей) – профессиональная деятельность преобладает в периоды до рождения детей и их поступления в школу. Это уменьшило противоречие между домашним и наемным трудом, чему также способствовало удовлетворение потребностей семей бытовой техникой и развитием сети бытовых услуг.

И, наконец, последний этап характеризует так называемая «феминизация труда» (Дж. Нэсбитт, П. Эбурден), под которой понимается процесс стирания граней между традиционно мужскими и женскими видами деятельности и социальными статусами. Об этом свидетельствуют статистические данные. Доля женщин на управленческих и административных постах увеличилась за последние 20 лет вдвое; в мелком бизнесе женщинам принадлежит свыше трети фирм, и даже в армии США в начале 90-х годов 12% военнослужащих составили женщины.

На современном этапе развития социально-философской мысли интерес к проблеме генезиса социального статуса женщины возрастает по мере рассмотрения соотношения биологического и социального в жизни и поведении человека, общественной природы труда и его роли в становлении человеческого общества.

Своеобразный путь становления социогендерной стратификации прошла Россия. С одной стороны, в советский период было обеспечено как массовое привлечение женщин к общественно организованному труду (в 1950 году – 50% трудоспособного женского населения, к концу 80-х годов их доля возросла до 80%), так и высокий уровень квалификации женского труда; например, с середины 60-х годов женщины составляют две трети специалистов с высшим и среднеспециальным образованием. С другой стороны, противоречие между наемным и домашним трудом достигает чрезвычайной остроты: «общественно-полезный труд» является обязанностью всех граждан (как мужчин, так и женщин); понятие «домохозяйка» равносильно понятию «социальный паразит».

Женщинам выпала двойная нагрузка (на работе и в семье), которая усугублялась отсутствием в достаточном количестве бытовой техники, чрезвычайно низкой общественной престижностью домашнего труда. К принципу взаимозаменяемости российское общество не сумело подойти; в частности, к рубежу 90-х годов существовали массовые «женские профессии».

Переходный характер общественного устройства России существенным образом сказывается на формах участия женщин в экономической жизни. Современная модель социально-ролевых функций женщины является результатом переплетения различных тенденций: во-первых, в процессе становления рыночных институтов формируется ряд компонентов либеральной модели экономического агента (возникновение прав частной собственности, свобода выбора рода занятий и др.); во-вторых, сохраняются определенные ограничения, порожденные прежней административно-командной системой управления экономикой (существование «женских» профессий, двойная нагрузка – семья и работа – на занятых в производстве женщинах и др.); в-третьих, непоследовательность в осуществлении реформ придала формам участия женщин в экономической жизни общества целый ряд негативных моментов (безработица, половые предпочтения при найме и увольнении и т.п.).

Мы считаем возможным выделить в социальной стратификационной структуре

девять социальных слоев: 1) крупные собственники; 2) топ-менеджеры; 3) мелкие предприниматели; 4) руководители среднего уровня; 5) инженерно-технические

работники; 6) специалисты образования, здравоохранения, культуры; 7) работники творческих профессий; 8) рабочая элита; 9) неквалифицированные работники.

Выдвигаемая модель опирается на западные стратификационные схемы, соотносится с подходами отечественных социологов (Г.Г. Силласте, Т.И. Здравомыслова) и вместе с тем имеет специфическую окраску, поскольку исходит из задачи, учитывающей гендерный фактор.

Представленность женщин в каждом из этих социальных слоев весьма различна; это обусловлено как наследием советского прошлого (крупная собственность в период приватизации перешла к крупным чиновникам партийно-советского аппарата, среди которых женщин было очень мало; из-за низкой оплаты труда законсервировано «женское лицо» врачей, учителей, работников культуры), так и верхушечным характером реформ, в результате которых значительная часть населения ухудшила свой жизненный уровень, потеряла стимулы к экономической активности и т.п.

В частности, по социологическим данным, среди крупных собственников (или как их называют в современной публицистике – олигархов) женщины составляют менее 10%; вместе с тем это не означает, что женщины не участвуют в использовании жизненных благ, предоставляемых капиталом, – это касается жен, дочерей, других членов семьи; в перспективе в результате наследования либо раздела имущества женщинам также перейдут значительные «куски» собственности.

Высший административный класс (топ-менеджеры) формируется из профессионалов, добившихся, как правило, карьеры за счет личных способностей; тем не менее, здесь сильны патриархатные предпочтения: женщин здесь не более 15%; подобные должности не наследуются.

Среди мелких предпринимателей около 25% составляют женщины. В подавляющем большинстве случаев (четыре пятых) это владельцы «собственного дела». Половина группы занята в торговле, финансовой сфере и только 20% в промышленности. До 20% женщин, занимающихся мелким бизнесом, вынуждены совмещать его с управленческим трудом по найму. Такое сочетание объясняется объективными причинами.

Руководители среднего звена – весьма неоднородная группа. Здесь можно выделить руководителей производства и администраторов социальной сферы. Среди руководителей производства женщины составляют 40%. Они работают по найму. Каждая вторая, входящая в группу, обладает высоким уровнем благосостояния; что касается администраторов социальной сферы, то это самая феминизированная социальная группа: доля женщин составляет до 70%. В составе группы руководители учреждений науки, культуры, образования, здравоохранения, управленцы среднего звена. Уровень благосостояния этой группы низкий: две трети ее состава испытывают материальные трудности.

Инженерно-технические работники имели до перестройки значительную долю женщин (до 58%), ныне их не более 30%. Сокращение численности персонала из-за резкого спада промышленного производства более всего коснулось женщин-инженеров. Жизненный уровень большинства из работающих весьма невысок. Специалисты сферы образования, здравоохранения, культуры – это и есть представители как бы «законсервированных» «женских профессий» (до 80%). Так называемая бюджетная сфера более всего страдает от задержек зарплаты, ее невысокого уровня и – соответственно – низкого социального престижа данных видов деятельности.

Рабочая элита образовалась в результате расслоения рабочего класса. В ее составе рабочие высокой квалификации, и поэтому, как правило, высокооплачиваемые. Женщин в группе мало (не более 15%), но они сравнительно обеспечены. Среди неквалифицированных работников женщины составляют преобладающее большинство: 70%; каждая пятая из них находится в пенсионном возрасте. Две третьих группы

проживает «за чертой бедности», зажиточных и состоятельных практически нет. Эта группа низкого уровня социальной защищенности.

В границах обозначенной парадигмы становится более доступным учет характера взаимодействия социальных агентов обоих полов с дифференциацией на субполя, своеобразиие разделения функций и амплитуду проявления социального взаимодействия (от конкуренции к сотрудничеству и взаимодействию) в рамках как статусных отношений, так и в отношениях социальной ранжированности.